

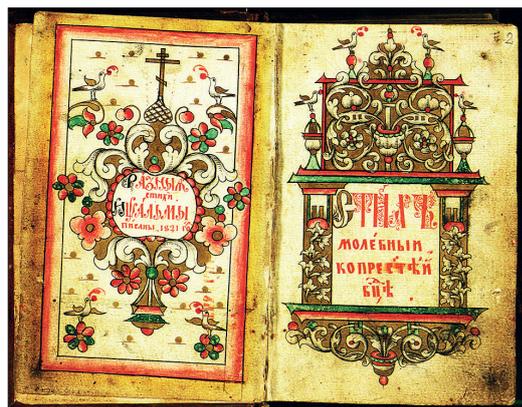
УДК 783.27+82-1

РАЗНЫЕ СТИХИ И ПСАЛЬМЫ.
РУКОПИСЬ СОБРАНИЯ М. Н. ТИХОМИРОВА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Археографическое освоение Сибири связано с именем и деятельностью известного историка М. Н. Тихомирова. По его инициативе на территории обширного региона в 1959–1960 гг. были организованы первые археографические экспедиции. Столь же важным импульсом для становления сибирской археографии стала передача региональному отделению Академии наук принадлежащего учёному уникального собрания древнерусских рукописей XIV–XIX вв. и старопечатных книг. Небольшую часть коллекции занимают певческие рукописи: их около 40. Они представлены преимущественно книгами, составляющими основу чинопоследования, такими, как Обиход, Октоих, Ирмологий, Триодь, Праздники. Наряду с ними в коллекции присутствует Сборник песнопений, жанровое и функциональное

наклонение которых не атрибутируется с богослужебными циклами. Это рукопись под шифром «Тихомиров № 448», содержащая популярные в старобрядческой среде стихи и псалмы. Важно, однако, не только содержание, но обстоятельства и место её происхождения. Рукопись создана в 1821 г. в Выговской (Выгорецкой) пустыни, хранительнице истинно христианских православных традиций¹ (ил. 1).

Песнопения Сборника складываются в несколько тематических групп. Содержание одной из них восходит к событиям Ветхого и Нового Заветов: «Плач праотца Адама, егда изгнан бысть из рая», «Притча о блудном сыне», «Стих на рождество Христово», «Стих на вход в Иерусалим», «Стих, егда Господь бысть на браце в Кане Галилейстей», «Плач Пресвятыя Богородицы при кресте Господни» и др.

Ил. 1. «Разные стихи и псалмы», 1821 г.

Вторая группа содержит характерные для музыкального быта старообрядчества стихи покаянные (слёзные, умильные). Среди них: «Пустыни красная», «Стих Иосафа, царевича индийского», «Стих Иосифа Прекрасного». Известно, что начиная с XVII в. репертуар и тематика стихов покаянных существенно расширяются. В частности, они обогащаются повествованиями об историческом прошлом России. В рассматриваемом Сборнике эту линию представляет песнопение, посвящённое трагическому событию русской истории начала XI в. «Стих о убиении князей русских Бориса и Глеба от брата их Святополка».

Несколько особняком стоят три «Псалмы о победе швецкой», тематически связанные с событиями Северной войны. Все они воспринимаются как стилистические варианты виватных кантов. Текст последней из них («Днесь, орле российский, простри своя криле»), воспроизводит известный петровский кант с иным, однако, интонационным оформлением. Отличаясь от остальных произведений Сборника, эти псалмы образуют самостоятельную, характеризующуюся внутренним единством группу.

Особого внимания заслуживают песнопения, посвящённые главным устроителям Выговской пустыни: Даниилу Викулову (или Викулину) – «Плач о киновиарсе² Данииле»; Петру Прокопьеву – «Рифмы воспоминательны о еклисиарсе Выгорецкого общежителства Петре Прокопьевиче, всего жития его»; Семёну Денисову – «Плач о отце умершем, сочинен стихами, писан от многи скорби теплыми слезами»; Кириллу Михайлову – «Стих в день тезоименитства Выгорецкого общежителства настоятеля Кирилла Михайловича». Несколько песнопений посвящены выдающемуся деятелю старообрядчества, сыгравшему в духовной и культурной истории Выга самую значительную роль – Андрею Денисову. Одно из них: «Рифмы воспоминательные о киновиарсе Выгорецкого общежителства Андрея Дионисиевича. Вкратце жития его». Общая композиция «Рифм воспоминательных» следует за структурой житийной литературы. Она состоит из последовательности раз-

делов, повествующих о рождении Андрея, его жизни, деяниях, смерти и последующих о нём воспоминаниях: «Печальный терн мене убодает»; «Придите, помянем вси Андрея премудраго»; «Придите, восплачем вси отца нашего Андрея учителя»; «Рифмы», «Стих в день тезоименитства отца Андрея Борисовича». Совокупность песнопений последней группы складывается в единый агиографический цикл о жизни видных подвижников Выговской киновии.

Образное и стилистическое наполнение песнопений рукописи обусловлено обстоятельствами социальной, конфессиональной и культурной ориентации старообрядцев-беспоповцев XVIII в. Для понимания этих обстоятельств важны факты и события, связанные с историей созданного ими духовного центра.

Появление Выговской пустыни – одно из последствий церковной реформы патриарха Никона. Преследуемые церковными и светскими властями приверженцы старой веры бежали в глухие малонаселённые места России. Поморье привлекало их своей удалённостью от крупных центров государства и, следовательно, возможностью оградить себя от церковных «новин». Основанная в 1694 г. Даниилом Викуловым на реке Выг и Выг-озере община вскоре стала самой авторитетной старообрядческой организацией на севере государства³.

Со временем пустынь превратилась в крупный духовный центр старообрядчества. Здесь были организованы школы грамотности, певческие школы. Развивались художественные традиции резьбы по дереву, складывались своеобразные традиции иконописания. Создавались и распространялись по всему Северу оригинально оформленные рукописные книги. Обращение к историческим сочинениям выговских авторов «позволяет увидеть в них вполне оформившуюся в первой половине XVIII столетия научную школу, составившую вершину исторической мысли старообрядчества беспоповского направления» [2, с. 79]. Один из самых существенных признаков поражающей своим многообразием выговской культуры связан с развитием барочного стихотворства. Его укоренению на Выге способствовали братья Андрей и Семён Денисовы – наиболее видные деятели поморского согласия. И всё же тенденция становления силлабической поэзии в культуре старообрядчества нуждается в комментариях.

Известно, что первые образцы силлабических стихов появляются в России в первой трети XVII столетия. Представители барокко учительствовали при дворе Алексея Михайловича. В начале 1650-х гг. книжные песни создаются поэтами Никоновской школы. После низложения бывший патриарх поселился в основанном им Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, где его окружали литераторы силлабического направления. Своего высшего расцвета оно достигло в творчестве Симеона Полоцкого и его учеников – Сильвестра Медведева, Кариона Ис-

томина и представителей второго поколения русских силлабиков Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского, вплоть до Феофана Прокоповича. Как видно, силлабическая письменность развивалась в культуре о ф и ц и а л ь н о г о направления, светского и церковного, что, казалось бы, вступает в противоречие с фактом её распространения в среде приверженцев истинно христианской веры. Ориентация последних на глубокую древность, обострённая неприятием пришедших на Русь европейских тенденций, была, на первый взгляд, мало совместима с увлечением силлабической поэзией. Действительность, однако, свидетельствует об ином.

Причину внедрения европеизированного типа культуры в Выговское общежитие комментирует А. М. Панченко. «Это был, – пишет он, – смелый шаг, потому что слагать вирши они учились у своих идеологических противников. Андрей Денисов, автор “Обличения на книжицу Стефана Яворского об антихристе”, позволял включать в выговские сборники стихи того же Стефана ... Чтобы решиться на это, нужно было понимать, что идеология и эстетика, вера и культура – разные вещи. Осознание этого привело Андрея Денисова в Киев, где в 1712 г. он слушал курс риторики» [3, с. 415]. Таким образом силлабика проникала в необычную для себя среду. Об этом свидетельствует творчество выголексинских стихотворцев, хорошо владевших техникой версификации. Рассматриваемый Сборник является безусловным подтверждением этой тенденции.

Его анализ ставит ещё одну, заслуживающую внимания, проблему. Дело в том, что вербальная сторона значительной части представленных в рукописи песнопений тяготеет к новым для России формам стихосложения, а музыкальная составляющая изложена в стилистике либо адекватной, либо близкой знаменной монодии, фиксированной средствами невменного письма. Это обстоятельство не создаёт ощущения эклектики, стилевой несовместимости вербального и музыкального начал. Напротив, соединённые с невмами силлабические вирши образуют своеобразный стилевой синтез, в котором «старое и новое» не отвергают, а дополняют друг друга.

Суть данного обстоятельства не так уж сложно раскрыть, если вспомнить о тех переменах, которые произошли в певческом искусстве XVII столетия. Его интонационная и невменная составляющие подвергались большей или меньшей степени коррекции. Певческая монодия утратила некоторые из своих сущностных начал. Одновременно в неё внедрялись новые, ранее не свойственные ей черты. Произошёл кризис попевочной системы, невменная строка постепенно освобождалась от подчинённости стилевым показателям песнопений. Названные, как и многие другие, тенденции позволяют говорить о том, что внутри традиционной системы шёл процесс формирования стилевых закономерностей искусства Но-

вого времени. В большей степени он характерен для поздних распевов, таких как путевой, демественный. Не обошли эти изменения и знаменного распева. Всё это позволило русской силлабике в союзе с певческими традициями, скорректированными в духе XVII века, образовать единое поле стилевой целостности.

Обратимся к текстам Сборника, подавляющее большинство которых (36 из 44) изложены в системе силлабического стихосложения. При этом силлабическая система выражена в них преимущественно в двух видах версификации: равносложной (изосиллабизм) и неравносложной (относительный силлабизм). Произведения демонстрируют самые разнообразные варианты стихотворных размеров, основных (8, 11, 13-сложники) и вспомогательных (7, 9, 10, 12-сложники) для русской силлабики. В Сборнике нередки случаи взаимодействия принципов равносложности и неравносложности, когда в одном тексте могут быть в особом порядке соединены 6, 7, и 8-сложники; 8 и 10; 8 и 6-сложники и другие размеры.

Анализ вербальной основы рукописи позволяет обратиться к структурным и интонационным свойствам стихов и псалм и раскрыть их значимые признаки в соотнесённости музыкальной и текстовой составляющих.

Как правило, единица словесного текста (словесная строка или синтагма) помещённых в Сборнике песнопений распевается одной мелострокой (17 а). В этих совпадениях реализованы закономерности построения словесных и мелодических строк, а также принципы их совместного изложения. Как и в песнопениях знаменного распева, мелодическая форма является «отпечатком» стиховой формы. Простейший вид силлабического структурообразования складывается двустрочной строфой с парной рифмой. Здесь возможны следующие варианты последовательности мелострок:

$$\begin{array}{cc} A & a \\ B & a \end{array} = \begin{array}{cc} A & a \\ B & в \end{array} =$$

где = – парная рифма, А и В – строки текста, а и в – мелостроки. Обозначенная структура представляет, условно говоря, композиционное ядро песнопений. В текстах различного строфического строения соотношение синтагм текста и мелострок характеризуется самыми многообразными вариантами. Рассмотрим, например, варианты их соотношения в четырёх-строчных строфах Сборника:

$$\begin{array}{c} A \\ B \\ C \\ D \end{array} = \begin{array}{c} a a a a a \\ a в в в в \\ a с с а с \\ a д с в в \end{array}$$

Обратимся к немногочисленным композиционным структурам, где расширенной до 10–13 слогов

текстовой строке соответствуют две мелостроки. Схематически это выглядит следующим образом:

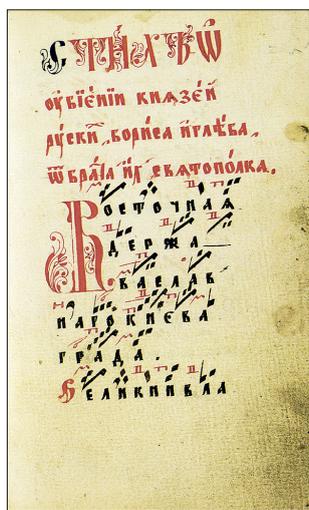
A   аа аа ав ав ав
=   =
В   ва вс ав св сд

Силлабика относительно свободна в отношении ритмической организации, что заметно даже в равносложных стихах. Ритмические отклонения в текстовых строках отражаются на мелостроках, в которых можно наблюдать: либо продление, либо сжатие отдельных тонов, их метроритмическое дробление, количественное увеличение или сокращение. Степень вариативности мелострок в этих вариантно-строфических конструкциях, как правило, незначительна. Типичным образцом такого рода структуры является «Стих о убиении князей русских Бориса и Глеба от брата их Святополка» (ил. 2, пример № 1).

Пример № 1   Стих о убиении князей русских
Бориса и Глеба от брата их Святополка

Строфная структура песнопений может быть рассмотрена как последовательность мелострок – относительно замкнутых

Ил. 2. «Стих о убиении князей русских Бориса и Глеба от брата их Святополка»

единиц формы. Вместе с тем песнопения обладают закономерностями, в результате которых отдельные музыкальные формулы упорядочиваются в границах строф, образуя структуры следующего, более высокого композиционного порядка. Логика мелодического развёртывания в границах мелострофы раскрывается в соотношении создающих ритмическое напряжение неопорных и разреша-

ющих напряжение опорных тонов. Те и другие формируют систему тяготений как на уровне мелострок, так и между ними, в масштабе мелостроф.

Несколько отличны от рассмотренных песнопения, в текстах которых силлабика либо выражена в самой незначительной степени, либо вообще отсутствует. В этом отношении показательны два песнопения 8-го и 5-го гласов, посвящённые Андрею Денисову. Обратимся к первому из них (20 б):

Придите, помянем вси Андрея премудраго,
Его же ко гробу вчера жалостно проводихом,
Его же церковь у пустыни умильным гласом просит присно:
Дай же пустыни сего сладкого утробы моя любезнаго сына,

Не вем бо ныне кому законы моя ведати.

Дай же пустыни сего сладкаго власти моя крепка правителя,
Его же не одолеша противныхо стремления никогда же.

Дай же ми пустыни сего сладкаго законов моих непреступна хранителя,

Его же аз крещением породившая зрящи во гробе темнем затворена.

Как видно, перед нами образец безрифменного молитвословного стиха, содержащего, к тому же, прямое обращение к слушателям. Вспомним обращение к прихожанам в начале Всенощного бдения: «Приидите, поклонимся и припадем...». В основе его организации лежит принцип синтаксических параллелизмов. При этом текст демонстрирует необычное положение определителя стихотворной речи. Находясь не в конце, но в начале строк, он таким образом формирует систему анафорических повторов, ритмически и смыслово скрепляющих форму произведения (на подобную систему стихотворной речи обратил внимание Кирилл Тарановский, см.: [4, с. 257]).

Стилевые и содержательные разновидности молитвословия демонстрируют ещё три песнопения Сборника, с приданными ими гласовыми обозначениями: «Стих душевного умиления, глас 6», «Стих Иосафа царевича, глас 8», «Пустыни красная, глас 8». Вновь перед нами свободные, без ритма и рифмы стихи умиленные. Их медитативная лирика определена душеспасительными размышлениями, скорбными настроениями покаяния, мотивами созерцания и восхваления «прекрасной пустыни». Помещённые в Сборнике поэтизированные тексты лежат в русле этих переживаний и душевных волнений. Однако в данной ситуации более важной для нас представляется проблема интонационного наполнения стихов, и главное: определение степени соответствия выраженной невмаи и гласовыми пометами мелодии тем закономерностям, которые характеризуют стилистику знаменной монодии.

Осуществлённый в процессе работы сравнительный анализ позволил обнаружить черты их подобия. Он подтвердил аутентичность стилистических пока-

зателей песнопений Сборника устойчивому комплексу выразительных средств знаменного распева. Наиболее важными среди них являются: диатонический характер гласовых песнопений с их «укачивающими мотивами», поступенным и равномерным движением мелодии, в которой опевание опорных тонов образует плавность и выразительность широкораспевной кантилены. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что эта кантилена наполнена интонациями, близкими к глагообразующим формулам. К этому следует добавить характерные ритмические показатели, а также соответствующий мрачному и светлому согласиям обиходного звукоряда диапазон песнопений.

Подведём итоги. Сборник разных стихов и псалм правильный всего назвать энциклопедией внебогослужебной музыкально-поэтической культуры выговского старообрядчества. На это обстоятельство указывают объединённые здесь практически все жанровые, тематические и стилевые

разновидности их художественной деятельности. Вниманию исследователя предлагается словесно-звуковой мир, синтезирующий несколько культурных пластов.

Многообразное наполнение рукописи позволяет рассмотреть её в контексте явлений конца XVII–XVIII вв., интегрирующих элементы традиционной культуры и культуры Нового времени. Подобного рода сочетания прошлого и настоящего давали подчас самые неожиданные с точки зрения чистоты стиля и жанра результаты. Свидетельством последнего и является исследуемый Сборник, вобравший в себя произведения, занимающие, казалось бы, совершенно различное положение в типологическом спектре культуры, например, знаменный распев и петровский кант. И в этом смысле он представляет собой документ, подтверждающий одну из самых значимых концепций, показывающую, не разрыв, а преемственность между древним и новым периодами отечественной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Укажем на палеографические данные рукописи: Формат в 8°, на 316 листах. Бумага с водяным знаком «1820». Полуустав, текст истинноречный, заставки поморского стиля. На листе 1 об. в рамке текст: «Разные стихи и псалмы. Писаны 1821 год». Переплёт – доски в тиснёной коже с двумя медными

застёжками. Нотация знаменная с пометами и признаками.

² Киновиарх – избранный собором начальник, настоятель обители, киновии.

³ Выговская пустынь состояла из двух монастырей – мужского (Даниловского) и женского (Лексинского).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской Поморской пустыни. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1911. 32 с.
2. Молзинский В. В. Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества. СПб.: СПбГУКИ, 2001. 304 с.
3. Панченко А. М. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века // История русской литературы: в 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 409–445.

4. Тарновский К. Ф. Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Тарновский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 257–274.
5. Филиппов И. История Выговской пустыни. СПб.: Изд-во Д. Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.

REFERENCES

1. Druzhinin V. G. *Slovesnye nauki v Vygovskoy Pomorskoj pustyni* [Verbal Techniques of the Vyg Pomeranian Hermitage]. St. Petersburg: M. A. Alexandrov Printers, 1911. 32 p.
2. Molzinskiy V. V. *Ocherki russkoy dorevolutsionnoy istoriografii staroobryadchestva* [Essays on the Russian Pre-revolutionary Historiography of the Orthodox Christian Old Believers]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2001. 304 p.
3. Panchenko A. M. *Novye ideologicheskie i khudozhestvennye yavleniya literaturnoy zhizni pervoy chetverti XVIII veka* [The New Ideological and Artistic Phenomena of the Literary Life of the First Quarter of the 18th Century]. *Istoriya*

russkoy literatury [History of Russian Literature]. Vol. 1. Leningrad, 1980, pp. 409–445.
4. Tarnovskiy K. F. *Formy obshch斯拉vianskogo i tserkovnoslavianskogo stikha v drevnerusskoy literature XI–XIII vv.* [Forms of General-Slavonic and Church-Slavonic Verse in the Early Russian Literature of the 11th-13th Centuries]. Tarnowski K. F. *O poezii i poetike* [About Poetry and Poetics]. Moscow, 2000, pp. 257–274.
5. Filippov I. *Istoriya Vygovskoy pustyni* [History of the Vyg Hermitage]. St. Petersburg: D. E. Kozhanchikov Press, 1862. 480 p.

**Разные стихи и псалмы. Рукопись собрания М. Н. Тихомирова
Государственной публичной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской академии наук**

Автор анализирует певческую рукопись коллекции Тихомирова (Тихомиров, № 448), хранящуюся в Научной библиотеке Сибирского отделения РАН. Созданная в 1821 г. в Выговской пустыни – культурном и духовном центре беспоповского старообрядчества, она содержит популярные в этой среде стихи и псалмы, фиксированные в системе знаменного письма. Песнопения складываются в несколько тематических групп. Одни восходят к событиям Ветхого и Нового Заветов, другие образуют группу покаянных стихов. Три псалмы повествуют о «победе шведкой». Особый интерес представляют песнопения, посвященные учителям-наставникам пустыни, прежде всего, Андрею Денисову.

Один из признаков культуры Выга связан с развитием барочного стихосложения. Соединение в песнопениях силла-

бики и невменного письма образует стилистический синтез, в котором старое и новое не отвергают, а дополняют друг друга. Это обстоятельство создаёт проблемное поле статьи.

Смысловое содержание и стилистический облик песнопений позволяет рассмотреть их в контексте культуры второй половины XVII – первой половины XVIII вв. – времени, когда происходит интеграция элементов традиционной культуры и культуры Нового времени. Анализируемый памятник подтверждает принятую в отечественной гуманитарной науке концепцию преемственности между старым и новым периодами национальной культуры.

Ключевые слова: песнопения, псалмы, силлабическое стихосложение, знаменный распев, культура старообрядцев, Выговская пустынь

**Various Verses and Psalms. Manuscript of the Collection
of the M.N. Tikhomirov State Public Academic-Technical Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

The author analyzes church singers' manuscripts from the collection of Tikhomirov (Tikhomirov No. 448), preserved in the Academic Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Founded in the 1921 at the Vyg Hermitage – a cultural center of the Old Believers' priestless tradition, it contains verses and psalms, popular in this milieu, notated in the system of znamenny chant notation. The chants can be subdivided into several groups of subjects. Some of them describe the events of the Old and New Testaments, whereas others form a group of penitent poems. Three of them narrate about the victory of Peter the Great over the Swedes. Of special interest are the chants dedicated to teachers and mentors of the hermitage, primarily, Andrei Denisov.

One of the traits of the Vyg culture is connected with the development of Baroque prosody. The combination of syllabic

verse and neumatic writing creates a stylistic synthesis in which the old and the new do not reject, but complement each other. This circumstance is what forms the topical field of the article. The semantic content and stylistic image of the chants make it possible to examine them in the context of the culture of the second half of the 17th and first half of the 18th centuries, the time period that witnesses an integration of the elements of traditional culture with the culture of the Early Modern Age. The analyzed landmark confirms the conception most commonly accepted in Russian humanitarian scholarship, namely, that of succession and continuity between the old and new periods of national culture.

Keywords: chants, psalms, syllabic verse, znamenny chant, culture of the Old-Believers, Vyg Hermitage

DOI: 10.17674/1997-0854.2015.1.18.074-079

Шиндин Борис Александрович

доктор искусствоведения, профессор,
заведующий кафедрой истории музыки
E-mail: chin-d-din@yandex.ru

Новосибирская государственная консерватория
им. М. И. Глинки
Российская Федерация, 630099 Новосибирск

Boris A. Shindin

Doctor of Arts, Professor,
Head at the Music History Department
E-mail: chin-d-din@yandex.ru

Novosibirsk State M. I. Glinka Conservatory
Russian Federation, 630099 Novosibirsk

